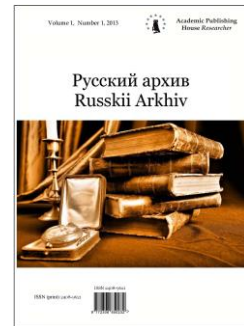

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Russkii Arkhiv
Has been issued since 1863.
ISSN: 2408-9621
E-ISSN 2413-726X
Vol. 10, Is. 4, pp. 256–266, 2015

DOI: 10.13187/ra.2015.10.256
www.ejournal16.com

Articles and Reports

UDC 94(47).084.8-053.2

Children of Stalingrad Talk about Themselves: Characteristics and Problems of Recording the Memories of Witnesses

Ekaterina V. Arkhipova

Volgograd State University, Russian Federation
100, Universitetsky Prospect, Volgograd, 400062
PhD (History)
E-mail: arkhipovakv@ya.ru

Evgeny F. Krinko

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Marina A. Ryblova

Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)
E-mail: ryblova@mail.ru

Tatiana P. Khlynina

Institute of Social-Economic Research and Humanities
Southern Scientific Centre, Russian Academy of Sciences
Russian Federation
41, Chekhova Avenue, Rostov-on-Don, 344006
Dr (History)

Abstract

The article studies the methodology of the survey among children of wartime. The authors summarize the results of the research conducted in 2014–2015 among Volgograd inhabitants,

witnesses of the Battle of Stalingrad in childhood and adolescence. 264 interviews were recorded. In 1942–1943 the children of Stalingrad found themselves in the center of one of the bloodiest battles in the world history. They experienced the horror of the bombing, street fighting, hunger and cold, and then the difficulties of postwar reconstruction of the destroyed city. Considerable attention has been paid to the difficulties and problems in the survey carrying out.

Keywords: the Great Patriotic War, memories, Stalingrad, wartime childhood, oral history.

Детство советских граждан в годы Великой Отечественной войны – широко разрабатываемая и все же с трудом поддающаяся беспристрастному анализу исследовательская проблема [1]. На протяжении десятилетий военное детство с трудом вписывалось в героический нарратив «большой войны», а опыт ее переживания детьми и подростками так и не стал частью культурной памяти российского общества. Между тем повседневность существования человека в условиях военного времени все чаще оказывается в поле зрения современного историка. Именно с ней нередко связываются перспективы формирования нового знания о Великой Отечественной войне, складывающегося на пересечении извилистых троп современной историографической практики, коллективной и индивидуальной памяти, в том числе и тех, кто встретил и пережил войну в детском возрасте [см.: 2 и др.].

Первые детские рассказы о войне были записаны непосредственно в военные годы, в основном с пропагандистскими целями – разжигать ненависть к врагу, крепить боевой дух советских солдат и веру в победу. В 1942 г. был подготовлен сборник «Слушай нас, Родина!», содержащий воспоминания детей, переживших немецкую оккупацию, впрочем, так и не опубликованный. В ряде регионов после их освобождения школьники писали сочинения на тему «Мои переживания во время оккупации». Эти источники эмоционально насыщены, но сама специфика их жанра обуславливала высокую степень влияния на них официальной пропаганды. После войны сбор детских воспоминаний практически прекратился и возобновился уже в период «оттепели». В 1961 г. редакция «Комсомольской правды» обратилась к читателям с предложением прислать свои воспоминания о «самом памятном» дне войны, обещая опубликовать самые интересные рассказы на страницах газеты. Но при публикациях предпочтение отдавалось уже известным авторам и героям, проверенным сведениям [3]. В последующие десятилетия сбор воспоминаний о Великой Отечественной войне периодически осуществляли газеты и журналы, комсомольские и пионерские организации, музеи, школы, поисковые отряды и отдельные краеведы в различных регионах. Однако вписанные в официальный нарратив, истории индивидуальной жизни, как правило, выстраивались в соответствии со стереотипами «одобренной» памяти. К тому же воспоминания детей фиксировались заметно реже, чем взрослых участников войны [см.: 4].

В 1990-е гг. историографическая ситуация кардинально изменилась. Рассказы несовершеннолетних участников и очевидцев военных событий стали фиксировать многие исследователи и собиратели, в том числе и специально созданные центры устной истории. Записывались рассказы различных категорий детей – участников войны и блокады Ленинграда, несовершеннолетних узников нацистских концлагерей и «восточных рабочих», очевидцев событий оккупации, эвакуации и жителей советского тыла. Создаваемые виртуальные архивы, базы и банки данных становятся важнейшей основой для изучения многих аспектов военного детства. Многие материалы опубликованы в специальных и общих сборниках, печатных и электронных СМИ.

Постепенно становится известной и трагическая судьба детей и подростков Сталинграда, оказавшихся в эпицентре одного из самых кровопролитных сражений в мировой истории. Пережив ужас варварских бомбардировок люфтваффе и жестоких уличных боев, голод и холод в разрушенном войной городе, они в дальнейшем столкнулись с трудностями его послевоенного восстановления, а многие и с недоверием к себе из-за пребывания на оккупированной территории, где оказались совсем не по своей воле. Юный возраст в подавляющем большинстве случаев не позволял им самостоятельно принимать соответствующие решения, однако вовсе не избавил от последующей ответственности за них. Часть детей вместе с взрослыми была угнана немецкими войсками на запад, многие оказались в сортировочном лагере в Белой Калитве, ставшем еще одним страшным местом памяти о войне. Нелегко был путь и тех, кто отправился в эвакуацию: даже если им и

удалось преодолеть Волгу под вражескими бомбами, минами и снарядами, их ждали материальные лишения и проблемы адаптации к другой жизни и иной социальной среде. Для всего поколения детей Сталинграда, несмотря на различия их жизненных траекторий, война, а особенно сама битва стали тяжелейшими испытаниями, повлиявшими на их дальнейшую судьбу.

Однако только в последние два десятилетия стали выходить специальные сборники и отдельные издания воспоминаний бывших детей Сталинграда [5–20]. В 2012 г. молодежь Волгограда и участники Сталинградской битвы приняли участие в общероссийской акции «Наша победа». В ходе этой акции в Волгограде было опрошено около тысячи человек, в том числе немало людей, переживших военное время в детском и подростковом возрасте, хотя основной упор организаторы делали на опрос тех, кто в годы войны воевал или работал в тылу. Но в целом запись воспоминаний «детей Сталинграда» вплоть до недавнего времени оставалась делом разрозненных энтузиастов. В результате в большинстве случаев они фиксировались бессистемно, по разным методикам, что снижало возможности их источниковедческого анализа. К тому же главный интерес организаторов опросов, как правило, представляла сама война, а не детство в условиях военного времени.

В 2014–2015 гг. в рамках исследовательского проекта, выполнявшегося при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (научный руководитель – д.и.н. М.А. Рыблова, первоначальный состав исполнителей включал 18 чел.), был проведен масштабный опрос среди жителей города Волгограда, переживших Сталинградскую битву в 1942–1943 гг. в детском и подростковом возрасте. Специфика опроса заключалась в том, что он проводился на пересечении двух масштабных проблем – военного детства и героики Сталинградской битвы. Именно под это пересечение заранее разрабатывался вопросник, составивший основу структуры глубинных интервью. Он включал в себя более 130 вопросов и состоял из нескольких основных блоков: воспоминания о довоенном детстве, детство в период войны, детство в первое послевоенное десятилетие и формирование памяти о войне.

Предполагалось, что результаты интервьюирования сотен детей военного Сталинграда позволят не только воссоздать тот пласт событий, к которому редко обращались военные историки, но и раскрыть действие механизмов социокультурной и психологической адаптации детей к чрезвычайным условиям войны и разрухи; выявить особенности формирования памяти о войне у детей и подростков; исследовать процесс трансформации детских воспоминаний о войне в условиях советской и постсоветской действительности. А главное – попытаться понять, каким образом память места, ставшего символом несломленной воли к победе советского человека и триумфа советской военной стратегии, предопределила собою коллективные и индивидуальные воспоминания о детстве, проведенном в военном Сталинграде. При этом к реализации опроса были привлечены не только уже состоявшиеся исследователи, но и студенты, участие которых в сборе и записи воспоминаний непосредственных свидетелей того времени дало им непосредственную возможность соприкоснуться с живой историей войны.

Главной целью опросов была ориентация респондентов не столько на воспоминание битвы, свидетелями которой им довелось быть, сколько на восстановление состояния детскости и детства, прошедшего в условиях войны. Интервьюеры просили их вспоминать и описывать не только события, но и состояния, ощущения и переживания, связанные с ними тогда, в детстве, и сейчас, в настоящее время. Ограничение большой темы «дети и война» рамками одной битвы оказалось неслучайным. Исследовательские усилия были сознательно направлены на однородную в возрастном отношении группу, объединенную единым пространством военного Сталинграда и общей судьбой выживания в условиях, когда официальные власти почти не осуществляли мер по эвакуации мирного населения и заботе о нем в период бомбардировок и боев. При этом часто в судьбах одних и тех же людей оказывался соединенным и опыт бомбежек, и уличных боев, и оккупации, пребывания в концлагере или в эвакуации.

Всего было записано 264 интервью детей военного Сталинграда, являвшихся непосредственными свидетелями событий того времени и на сегодняшний день остающихся основными трансляторами памяти о Великой Отечественной войне, в том числе 58 мужчин и 206 женщин. При этом 20 чел. были опрошены в помещениях районных организаций

областной ассоциации «Дети военного Сталинграда» (13 чел. в Красноармейском и 7 чел. – в Кировском отделениях), одно интервью состоялось в помещении организации «Дети огненного Сталинграда». 17 чел. были опрошены в районах Волгоградской области – это «дети Сталинграда», которые либо после битвы остались там, либо перебрались туда позже на постоянное место жительства. 6 чел. были опрошены в садоводческих товариществах (на дачах), 5 чел. – на улицах или во дворах домов, 2 чел. – по месту работы в вузах города, и одна информантка сама приехала в Волгоградский государственный университет для беседы. Остальные были опрошены в своих домах и квартирах, иногда в присутствии родственников или супругов.

Фокус-группу первой части проекта, посвященной детству до и во время войны, составили лица, рожденные в период с 1928 по 1938 гг. Фактически опрос проводился среди лиц, рожденных с 1924 по 1941 гг. Фокус-группа второй части проекта, посвященной детству во время и после войны, – лица, рожденные в период с 1938 по 1948 гг. Более половины всех опрошенных составили информанты 1934–1939 годов рождения. Общее распределение информантов по годам рождения позволяет представить таблица 1.

Таблица 1. Распределение информантов по возрасту

Год рождения	1924	1925	1926	1927	1928	1929	1930	1931	1932	1933	1934	1935	1936
Количество, чел.	2	1	8	12	10	6	13	13	12	11	19	25	23
Год рождения	1937	1938	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945	1946	1947	1948	
Количество, чел.	42	24	15	13	5	1	3	2	1	1	1	1	

Первоначально интервью вызвали впечатление, что опрашиваемые являются успешными людьми. Они не только выжили во время войны, кажется, вопреки всему, но и получили образование, сделали профессиональную карьеру, достигли высоких результатов, каждый в своем деле. Особенно высок процент людей с высшим и средним специальным образованием был у бывших блокадников Ленинграда, эвакуированных в годы войны в Сталинград. Очевидно, что у тех, кто погиб под бомбежками и по разным причинам не дожил до нашего времени, была «своя» правда жизни, оставшаяся невысказанной. В ходе дальнейших интервью пришло осознание того, что среди информантов есть и менее успешные люди, которые смогли окончить только семилетнюю школу, а затем трудиться простыми рабочими. Позже выяснилось, что многие женщины остались без семьи. Количество женщин, не сумевших родить и не имевших детей, точно подсчитать невозможно, так как не все из них признались в этом. Можно предположить, что их доля достаточно высока и составляла от 1/6 до 1/7 всех опрошенных. Непросто складывалась судьба и многих других информантов.

Не все интервью в равной степени освещают различные стороны повседневной жизни, но все являются ярким подтверждением существования военного детства – особой территории, где раннее взросление вовсе не отменяло беспешачной радости и ребячьего восторга от полученной невзначай игрушки или сладости, доставшейся «как маленькому», или самой детской мечты о красивом платье. Зримое и символическое присутствие во всех этих воспоминаниях Сталинграда придавало им несколько патетический оттенок, оправданный трагической судьбой города и его населения. Некоторые опрошенные, стремясь показать тяжесть пережитых ими испытаний, сравнивали положение в Сталинграде с блокадой Ленинграда (встречались утверждения, что «там хоть хлеб давали» или «там дома остались, там не так мерзли, там не так горели» и т.п.).

Массовый и почти одновременный характер фиксации позволяет говорить о высокой степени репрезентативности собранных материалов. По всей вероятности, проведенный опрос является самым крупным не только среди детей Сталинграда, но и вообще среди детей

военного времени, проведенным за последние годы силами одного исследовательского коллектива, к тому же на сравнительно небольшой территории за относительно короткий срок.

Однако в процессе организации и проведения интервью возникли трудности, преодоление и минимизация негативных последствий которых не могли не сказаться на полученных результатах. Главной и несколько неожиданной трудностью стал поиск необходимых респондентов. Первоначально исследование планировалось проводить через существовавшие в Волгограде общественные организации, выступавшие от имени и в защиту интересов детей Сталинграда («Дети военного Сталинграда», «Дети огненного Сталинграда», «Дети героического Сталинграда», Российский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей, Волгоградское областное добровольное общество «Защитники и жители блокадного Ленинграда»), а также личные связи. Но почти сразу поиск респондентов натолкнулся на ряд сложностей, связанных и со спецификой самой городской жизни (ее определенной замкнутостью и отчужденностью), и с возрастными особенностями респондентов. Иногда руководителей общественных организаций смущали некоторые вопросы, казавшиеся им «несоответствующими реалиям того времени». Тем не менее многие городские и районные организации предоставили всестороннюю помощь. Некоторые председатели и активисты брали на себя нелегкий труд обзванивать членов своих организаций, просить и убеждать их дать интервью, разъясняя общественную и научную значимость этого мероприятия. Оказывалась помощь и в проведении самого интервьюирования, в том числе в предоставлении для этого необходимого помещения.

В тех случаях, когда участники опроса самостоятельно звонили предполагаемым респондентам, чаще всего следовали отказы – обычно со ссылками на возраст и болезни, но не всегда в реальности вызванные только этими и именно этими обстоятельствами. Кто-то не хотел «ворошить тяжелое прошлое», у кого-то вызывали недоверие студенты: «Во-первых, если так условно сказать, возраст у респондентов тот, когда всех подозреваешь: “Какой-то непонятный ученый придет ко мне домой...” и т.п. Отказывали часто, даже если предварительно договаривались, все равно потом находилась куча причин, почему не встречались: дача, “да я на самом деле ничего и не помню уже” и т.п.»¹. Всего от проведения интервью отказалось около 20 % потенциальных информантов, контакты которых были предложены общественными организациями. Еще примерно столько же оказались просто недоступны (ушли из жизни, не отвечали на телефонные звонки вследствие смены адреса и по иным причинам).

Легче всего было организовать и провести интервью через личные каналы – родственников, их знакомых, друзей, которые не только с удовольствием включились в поиск респондентов, но и зачастую становились ими сами: «Проще конечно подбирать респондентов по знакомым. Притом лучше, когда эти знакомые сами договариваются о моей встрече, а потом появляюсь я. Плюс такого подхода в том, что практически нет отказов. Видимо, все-таки неудобно отказывать знакомым. Минус – количество знакомых ограничено». Метод «снежного кома» оказался самым эффективным, хотя и в этом случае встречались отказы от уже назначенных встреч.

Серьезным эмоциональным испытанием для интервьюеров оказалось установление доверительных отношений с респондентами. Даже договорившись о встрече, они не всегда получали возможность увидеться с потенциальным собеседником: «В самом начале для меня тяжелым было слышать частые отказы по телефону, иногда в не очень вежливой форме. Но постепенно я к этому привыкла. Одним из самых больших потрясений для меня стало первое назначенное интервью, когда я приехала на место проведения, а меня просто отказались впускать, сказали уходить и никогда не звонить». Инициатива отказа могла исходить не только от потенциальных респондентов, но и от членов их семей, не видевших практической целесообразности в проведении опросов и встречах их пожилых родственников с незнакомыми людьми: «Несколько раз мы договаривались по телефону

¹ Здесь и далее приводятся впечатления, оценки и комментарии интервьюеров, записанные по итогам проведения опроса и хранящиеся в настоящее время в архиве Музея казачьего быта Волгоградского государственного университета.

о встрече, но, к сожалению, затем меня не пускали в дом дети интервьюируемых, которые были против интервью».

В процессе интервьюирования возникали и другие сложности, в частности, связанные с использованием диктофона: «Были такие респонденты, которые боялись диктофона. Одно интервью у меня вообще было под карандаш. Бабушка специально посадила меня в один конец комнаты, сама ушла в другой, попросила выключить диктофон и говорила очень тихо. Был случай, когда, после того как я выключала диктофон, интервьюируемый уточнял, действительно ли его не записывают. После этого начинали раскрывать подробности о том, как было на самом деле, то, чего не договорили в основном рассказе (например об укрытии или расстреле вражеского солдата). Зачастую обращались с просьбой не записывать на диктофон какой-либо сюжет». Подобная реакция вызвала удивление некоторых интервьюеров как представителей поколения, у которого сформировалось другое отношение и к самой технике, и к публичности различных обстоятельств собственной жизни: «Относительно того, чтобы договориться об интервью, как таковых трудностей не было. В принципе люди охотно соглашались, но при встрече, узнав, что беседа будет записана на диктофон, некоторые отказывались от интервью. Их смущало его наличие, непонятно, с чем это было связано. Было у меня одно интервью с пожилым мужчиной, так вот, когда он не хотел, чтобы какая-то информация попала на диктофон, он просил меня выключить в этот момент, а потом опять включить. Так было, например, при рассказе о его родителях. О том, что отца его расстреляли и моему собеседнику пришлось сменить фамилию с немецкой на другую, а отец у него был поволжский немец».

Отдельно необходимо отметить трудности содержательного порядка, непосредственно вызванные работой с респондентами. Вопросы, связанные с повседневной жизнью на войне, очень часто наталкивались на их непонимание. Недовольство вызывало уже само слово «быт», ассоциировавшееся с благополучной, размеренной жизнью, которой «на войне не могло быть по определению»: «Иногда реакцию возмущения вызывал вопрос о быте, т.е. для них быт – это что-то комфортное, удобное. И не понимают они, каким может быть быт во время войны. Вопрос о домашних животных – опять же для собеседников почему-то домашние животные в первую очередь – это не собаки, кошки, а домашний скот – коровы, козы, домашняя птица. И отвечали, в первую очередь, про них, не припоминая каких-либо историй, связанных с ними».

В тех же случаях, когда респонденты соглашались рассказать, что «ели и носили», они нередко испытывали чувство стыда, проявлявшееся в понижении голоса, закрытии рукой диктофона или передвижении вглубь комнаты. Скорее всего, такая реакция на некогда пережитый голод и отсутствие «нормальной одежды» – дань более поздним представлениям о «счастлимом детстве страны Советов», не вписывавшимся в индивидуальные воспоминания детей войны.

До многих вопросов интервьюеры просто «не доходили», не успевали. Часовые беседы «под диктофон» плохо переносились респондентами, чей преклонный возраст и буквально на глазах возрастающая эмоциональная неустойчивость, выражавшаяся в появлении слез, замкнутости, нежелании «ворошить прошлое», требовали срочного сворачивания беседы или перевода ее в плоскость бытовых разговоров о здоровье, семье, болезнях и текущей политике: «Еще замечу, что вопросов много, мне казалось, что интервью должно проводиться несколько часов, чтобы была возможность подробно расспросить и подробно собеседнику все рассказать. Но, вероятно, в силу возраста, помнятся очень хорошо отдельные моменты жизни. И даже интервью в два часа времени не все выдерживают. Через часа полтора уже начинают кряхтеть, ерзать, вздыхать, т.е. уже видно, что устают. Кто-то, наоборот, старается вида не подавать, но это заметно».

Как правило, женщины оказывались более открытыми, чем мужчины, чаще ограничивавшиеся односложными ответами: «Иногда информанты отвечали на вопросы очень неохотно, короткими фразами. В таких случаях приходилось разговаривать с ними на отдаленные темы, чтобы потом как-то вернуться к нужной». При этом женские воспоминания оказывались и более эмоциональными: «Определенная эмоциональная сложность при проведении интервью о войне тоже есть. Хотя, казалось бы, что столько лет прошло, и даже не подумаешь сначала, что люди могут вспоминать со слезами о своем прошлом до сих пор. Чаще, конечно, плачут женщины. Причем в начале беседы они бодрые,

заинтересованные, потом уже по ходу интервью, как бы вспоминая все больше и больше о своих родителях, о самих бомбежках, о том, как скрывались и что ели, они плачут, жалея себя и своих родителей, их трудную жизнь. Конечно, это производит неизгладимое впечатление. Особенно меня лично поразила встреча с женщинами, которые побывали детьми в концлагере. Видя у них на руке лагерный номер, когда они голосом передают свои переживания и те ощущения из прошлого, через что они прошли; и, будучи уже пожилыми женщинами, вспоминая те события, плачут, то это оставляет также сильные эмоции. Мужчины как-то рассказывают больше бодро, с интересом, вот чтобы показать, рассказать, какие они были храбрые мальчишки, что видели. Но грустноватые нотки и у них встречаются. Женщины все же несут в себе воспоминания больше со скорбью».

Иногда затрудняли проведение интервью родственники и близкие респондентов, чье оправданное присутствие при записи зачастую оборачивалось излишним гостеприимством (предложением прерваться, «попить чайку») либо демонстрацией нежелательности проведения самой беседы: «Например, приходишь к интервьюируемому домой, а там друг, подруга, сожительница, внуки, правнуки. Причем если люди старшего поколения могут мешать тем, что вмешиваются в интервью, пытаясь добавить что-то от своего лица, то молодые, например, внуки, мешают своим поведением и всячески показывают, что интервью проводить у них неуместно».

Многие респонденты в процессе беседы отказывались говорить, а если и соглашались, то делали это крайне неохотно, о себе, своем прошлом и особенно о войне: «Причины для этого они называют разные: 1. Не считают это интересным для своих потомков. 2. Боятся, что их рассказ не будет складным или его осудят. 3. Считают, что уже много написано о войне и современные историки сделают только хуже, опасаются, что рассказанное ими будет перевернуто. 4. Некоторые уже не один раз давали интервью, записывали воспоминания, но они часто пропадали бесследно. 5. Очень часто отказываются по состоянию здоровья. Погружение вглубь своих самых страшных воспоминаний не проходит без следа на их здоровье. Есть другой тип людей, которые отказываются от интервью не сразу. Они вроде бы соглашались, но под разными предлогами оттягивают момент встречи, а потом говорят, что передумали».

Интервьюеры отмечали, что в ряде случаев респонденты рассказывали не о том, что они пережили в реальности, а то, что от них хотели услышать: «Например, я спрашиваю: “Расскажите, Вы писали письма на фронт?”. Они отвечают: “Я не помню, но напишите, что писала”». Переживая, что они «что-то напутают в изложении событий войны», респонденты предлагали свои ранее записанные воспоминания в виде газетных статей, сочинений школьников о них. Иногда их воспоминания полностью воспроизводили отредактированные печатные версии: «Попадают интервью, начинающиеся с уже опубликованных воспоминаний. Вот сейчас сию, вычитываю текст практикантки. Начало – выверенный эмоционально текст, без грамматических (обычных для устной речи) ошибок. Потом девочка говорит: “Спасибо, что прочитали Вашу статью...” и начинает задавать вопросы...».

Практически все опрошенные дети Сталинграда гораздо больше, чем о своем военном детстве, хотели рассказать и рассказывали «о своих успехах в жизни, своих зрелых годах, когда они были квалифицированными и востребованными специалистами, как жили большой дружной семьей, о путешествиях по СССР, о достижениях своих детей и внуков». Тем самым они подчеркивали, что их жизнь состоялась, в том числе, и благодаря суровой школе Сталинграда. Интервью приобретали дополнительную гуманистическую значимость, становились необходимым способом легитимизации прожитой жизни.

В ряде случаев респонденты по завершении встречи под воздействием хода беседы, проговариваемых эпизодов из чужих воспоминаний, профессиональной литературы о войне перезванивали и «вспоминали» похожие случаи из своей жизни. Нередко в процессе и самого разговора, преодолев барьер настороженности и непонимания того, чем они могут помочь («Вам надо с теми, кто воевал, а я дите была», «как жили, расскажу, но это разве война?»), вспоминали все новые подробности, подтверждая, тем самым, что «и такое на войне бывало».

Результатом проведенных опросов стало издание двух сборников воспоминаний: «Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях

жителей города» [21] и «Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города» [22]. В первый сборник вошло 114 текстов воспоминаний тех, в чьих судьбах переплелись опыт бомбежек, уличных боев, оккупации, эвакуации или пребывания в концлагерях и сиротских домах. Среди них оказались не только люди, рожденные в Сталинграде, но и те, кто приехал в Сталинград/Волгоград позже. Они также оказались вовлечены водоворотом событий в самые жестокие условия войны, а их детство было скомкано блокадой, бомбежками и голодом. Во второй сборник вошло 56 текстов. Полные записи интервью и их расшифровки с задаваемыми вопросами и пометками интервьюеров хранятся в архиве Музея казачьего быта Волгоградского государственного университета.

Вокруг вопроса о том, что и с какого возраста может помнить ребенок, оказавшийся современником выдающихся исторических событий, сломано немало профессиональных копий. По утверждениям психологов, социальная память начинает формироваться уже с четырехлетнего возраста и включает в себя отрывочные наиболее эмоционально окрашенные эпизоды внешней по отношению к нему жизни. Более осмысленными, соотносимыми с историческим контекстом детские воспоминания становятся в девятилетнем возрасте и «значительно преобразуются в памяти взрослого под воздействием социокультурных факторов, таких как авторитетный источник информации, высокая вероятность событий, необходимость верификации воспоминания в ином лингвистическом контексте. Причем эта пластичность – не дефект памяти, а особый механизм, позволяющий оптимально приравнивать воспоминания к требованиям текущего дня» [23].

Степень близости к значимому на сегодняшний день событию прошлого и, соответственно, характер воспоминаний о нем определяются четырьмя возможными позициями: участника, очевидца, современника и наследника [24]. Каждая из них обладает как своими преимуществами, так и недостатками, определяя тем самым объем и достоверность детской памяти о войне. Так, ядро воспоминаний участника военных событий составляет личный опыт, позволяющий рассматривать себя носителем максимально достоверного знания о происходившем, последствия которого ему не известны. Отсюда и настойчивое стремление на уровне взрослых воспоминаний «добрать» недостающие сведения, понять то, что выходит за пределы собственного опыта. Очевидец, находящийся за пределами события, но совпадающий с ним географически, получает возможность беспристрастно оценить увиденное, но ему не хватает непосредственной сопричастности к творящейся на его глазах истории. Поэтому он очень часто на уровне воспоминаний перемещается на позиции участника, наделяя их событиями из «прожитой чужой жизни». Современник обладает знанием очевидца, совпадает с событием во времени, но расходится с ним в пространстве. Его задачей становится поиск образной составляющей, помогающей приблизиться к позиции участника. Менее информативным, но показательным в отношении понимания механизмов формирования памяти о войне оказывается наследник, отсутствие личного опыта участника, наблюдения очевидца и знания современника у которого переводят его в разряд потребителя готового знания. Однако, несмотря на всю профессиональную значимость, в исследовании рассматриваемой здесь проблемы обращение к его полностью сконструированной памяти о войне не представляется необходимым.

Формирование образов войны детской памятью и их последующая актуализация во взрослом возрасте связаны не только с эмоциональным потрясением пережитых тягот и потерь военного времени. В этом сложном процессе переплетения реальности и последующего знания, недостаток которого зачастую компенсируется присвоением чужой памяти, решающее значение приобретают отношения, связывающие субъект с историческим событием. В том случае, когда этим событием оказывается Великая Отечественная война, длительное время остававшаяся сакральным символом нашей истории, включаются механизмы, обеспечивающие человеку на уровне воспоминаний ту или иную степень сопричастности к ней. В то же время сама степень этой потребности обуславливается конкретным личным опытом переживания событий военного времени; характером их травмирующего воздействия на последующую жизнь «детей войны»; общественной и профессиональной востребованностью детских воспоминаний людей взрослого возраста. Все они находят отражение в выстраиваемых повествованиях, где,

говоря словами З. Баумана, «жизни прожитые и жизни рассказанные тесно взаимосвязаны и взаимозависимы. Можно сказать, что, как это ни парадоксально, истории, рассказанные о жизни, вмешиваются в прожитую жизнь еще до того, как она проживается, и о ней становится возможным рассказать» [25].

Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

Примечания:

1. Кринко Е.Ф. Детство военных лет (1941–1945 гг.): проблемы и перспективы изучения // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 4. С. 25–31.
2. Krinko E.F., Khlynina T.P. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Русский архив. 2014. Т. 5. № 3. С. 152–162.
3. Война глазами детей. Свидетельства очевидцев. М.: Вече, 2011. С. 21.
4. Кринко Е.Ф. Воспоминания детей военного времени (1941–1945): источники изучения // Сумский историко-архивный журнал. 2014. № XXII. С. 34–41.
5. Нефедова В.И. Пепел и прах Сталинграда: 125 дней фронтового детства. Волгоград: Царицын, 1995. 72 с.
6. Дети Сталинграда: Воспоминания. Волгоград: Комитет по печати и информации, 1998. 152 с.
7. Дети военного Сталинграда на берегах Невы. СПб.: НИКА, 2002. 48 с.
8. Рудыкина-Жорова Е.П. Подарок. Статьи и интервью, рассказы, воспоминания. Волгоград: Станица-2, 2002. 216 с.
9. Дети, пережившие ад: Воспоминания узников фашистских лагерей. Стихи из концлагеря. Повести. Волгоград: Издатель, 2004. 432 с.
10. «...и горела Волга»: оставшиеся в живых сталинградцы вспоминают. Документация. Волгоград: Издатель, 2004. 291 с.
11. Мы родом из войны. Дети военного Сталинграда вспоминают... Волгоград: Издатель, 2004. 143 с.
12. Панченко Ю. 163 дня на улицах Сталинграда. Волгоград: ПринТерра, 2006. 324 с.
13. Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы. Волгоград: Издатель, 2008. 152 с.
14. Книга жизни в памяти живой. Воспоминания бывших воспитанников Арчадинского специального детского дома. Волгоград: Издатель, 2008. 150 с.
15. Воспоминания детей военного Сталинграда. М.: ИПК Знак, 2010. 208 с.
16. Иванов В. Мое сталинградское детство. Воспоминания. Волгоград: [Б.и.], 2010. 86 с.
17. Детство, унесенное войной. Камышин: Медиа-Холдинг, 2011. 68 с.
18. Сурдутович А.Г. Как это было. Волгоград: Издатель, 2012. 96 с.
19. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... Волгоград: Царицынская полиграфическая компания, 2013. 136 с.
20. В огне пылал мой город детства... Воспоминания детей военного Сталинграда. Камышин: [Б.и.], 2015. 84 с.
21. Дети и война: Сталинградская битва и жизнь в военном Сталинграде в воспоминаниях жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2014. 512 с.
22. Дети Сталинграда: 10 лет после войны. Воспоминания жителей города. Волгоград: Издательство Волгоградского филиала ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2015. 360 с.
23. Нуркова В.В. Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». Краснодар: Традиция, 2010. С. 184.
24. Нуркова В.В. Война и мир: военное измерение в воспоминаниях о детстве... С. 200.
25. Бауман З. Рассказанные жизни и прожитые истории // Социологические исследования. 2004. № 1. С. 8.

References:

1. Krinko E.F. Detstvo voennykh let (1941–1945 gg.): problemy i perspektivy izucheniya // Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. № 4. S. 25–31.
2. Krinko E.F., Khlynina T.P. History and Memory: Interviews with Eyewitnesses on Private Life in 1941–1945 // Russkiy arkhiv. 2014. T. 5. № 3. S. 152–162.
3. Voyna glazami detey. Svidetelstva ochevidtsev. M.: Veche, 2011. S. 21.

4. Krinko E.F. Vospominaniya detey voennogo vremeni (1941–1945): istochniki izucheniya // Sumskiy istoriko-arkhivnyy zhurnal. 2014. № XXII. S. 34–41.
5. Nefedova V.I. Pepel i prakh Stalingrada: 125 dney frontovogo detstva. Volgograd: Tsaritsyn, 1995. 72 s.
6. Deti Stalingrada: Vospominaniya. Volgograd: Komitet po pečati i informatsii, 1998. 152 s.
7. Deti voennogo Stalingrada na beregakh Nevy. SPb.: NIKA, 2002. 48 s.
8. Rudykina-Zhorova E.P. Podarok. Statyi i intervyyu, rasskazy, vospominaniya. Volgograd: Stanitsa-2, 2002. 216 s.
9. Deti, perezhivshie ad: Vospominaniya uznikov fashistskikh lagerey. Stikhi iz kontslagerya. Povesti. Volgograd: Izdatel, 2004. 432 s.
10. "...i gorela Volga": ostavshiesya v zhivykh stalingradtsy vspominayut. Dokumentatsiya. Volgograd: Izdatel, 2004. 291 s.
11. My rodom iz voyny. Deti voennogo Stalingrada vspominayut... Volgograd: Izdatel, 2004. 143 s.
12. Panchenko Yu. 163 dnya na ulitsakh Stalingrada. Volgograd: PrinTerra, 2006. 324 s.
13. Voyna glazami detey: ocherki, vospominaniya, dokumenty. Volgograd: Izdatel, 2008. 152 s.
14. Kniga zhizni v pamyati zhivoy. Vospominaniya byvshikh vospitannikov Archadinskogo spetsialnogo detskogo doma. Volgograd: Izdatel, 2008. 150 s.
15. Vospominaniya detey voennogo Stalingrada. M.: IPK Znak, 2010. 208 s.
16. Ivanov V. Moe stalingradskoe detstvo. Vospominaniya. Volgograd: [B.i.], 2010. 86 s.
17. Detstvo, unesennoe voynoy. Kamyshin: Media-Kholding, 2011. 68 s.
18. Surdutovich A.G. Kak eto bylo. Volgograd: Izdatel, 2012. 96 s.
19. Stalingradskoe detstvo. 23 avgusta 1942 goda... Volgograd: Tsaritsynskaya poligraficheskaya kompaniya, 2013. 136 s.
20. V ogne pylal moy gorod detstva... Vospominaniya detey voennogo Stalingrada. Kamyshin: [B.i.], 2015. 84 s.
21. Deti i voyna: Stalingradskaya bitva i zhizn v voennom Stalingrade v vospominaniyakh zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2014. 512 s.
22. Deti Stalingrada: 10 let posle voyny. Vospominaniya zhiteley goroda. Volgograd: Izdatelstvo Volgogradskogo filiala FGBOU VPO RANKhiGS, 2015. 360 s.
23. Nurkova V.V. Voyna i mir: voennoe izmerenie v vospominaniyakh o detstve // Vtoraya mirovaya voyna v detskikh "ramkakh pamyati". Krasnodar: Traditsiya, 2010. S. 184.
24. Nurkova V.V. Voyna i mir: voennoe izmerenie v vospominaniyakh o detstve... S. 200.
25. Bauman Z. Rasskazannye zhizni i prozhitye istorii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2004. № 1. S. 8.

УДК 94(47).084.8-053.2

Дети Сталинграда рассказывают о себе: особенности и проблемы записи воспоминаний очевидцев

Екатерина Владимировна Архипова

Волгоградский государственный университет, Российская Федерация
400062, Волгоград, проспект Университетский, 100
Кандидат исторических наук
E-mail: arhipovakv@ya.ru

Евгений Федорович Кринко

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: krinko@ssc-ras.ru

Марина Александровна Рыблова

Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41

Доктор исторических наук
E-mail: ryblova@mail.ru

Татьяна Павловна Хлынина

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований
Южного научного центра Российской академии наук, Российская Федерация
344006, Ростов-на-Дону, проспект Чехова, 41
Доктор исторических наук
E-mail: tatiana_xl@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена методике проведения опроса среди детей военного времени. Авторы подводят итоги исследования, проведенного в 2014–2015 гг. среди жителей Волгограда – очевидцев Сталинградской битвы в детском и подростковом возрасте. Всего было записано 264 интервью. В 1942–1943 гг. дети Сталинграда оказались в эпицентре одного из самых кровопролитных сражений в мировой истории, пережили ужас бомбардировок, уличных боев, голод и холод, затем трудности послевоенного восстановления разрушенного города. Существенное внимание уделено трудностям и проблемам в проведении опроса.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, воспоминания, Сталинград, военное детство, устная история.